

© 2009 г. Г.В. ФЕДЮНЕВА

О РЕФЛЕКСАХ ПРАУРАЛЬСКИХ ДЕЙКТИЧЕСКИХ ЧАСТИЦ *E «ЭТОТ, ТОТ» ~ *O ~ *U «ТОТ» В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье анализируется пермский материал, привлекаемый в качестве одного из рефлексов для реконструкции указательных частиц *e «этот, тот» ~ *o ~ *u «тот» в уральском праязыке. Доказывается, что разряды местоимений, имеющие вокалический анлаут, являются результатом позднего отдельного развития коми и удмуртского языков. Они могут быть системно этимологизированы из уральских консонантных основ *to «тот» ~ *tä «этот», *ci ~ *ce или *sʃ «этот, тот». Так, удмуртские и коми демонстративы, типа *oti* ~ *seti* «там, по тому месту», *otčij* ~ *setčij* «туда», *otin* ~ *seten* «там», *otis'* ~ *setis'* «оттуда», возводимые к разным источникам (удм. *o* < ур. *o ~ *u*, коми *se* < ур. *sɛ), по мнению автора, имеют общепермское происхождение. Они образованы от основ: коми *se* ~ удм. *so*-, представляющих регулярное фонетическое соответствие, с помощью общих падежных и деривационных суффиксов. Коми префиксальная частица *e*- в образованиях типа *taje* ~ *etaje* «этот, вот этот», приводимая как рефлекс ур. *e «этот, тот», по-видимому, также является поздней инновацией: в коми-зырянском и коми-пермяцком языках она несет разную функциональную нагрузку. Появление этой частицы существенно изменило уже сложившуюся систему коми демонстративов, и в конечном счете привело к углублению дивергентных процессов в пермских языках. Поскольку финно-угорским (уральским) языкам вообще не свойственно препозитивное использование частиц (напр., в коми языке, кроме приведенной, имеется только одна частица *n'e* < рус. *не*-), коми *e*- также может быть русским заимствованием.

Как известно, в финно-угорском праязыке было представлено большое количество дейктических элементов. Общепринятой считается реконструкция пяти архетипов, имеющих рефлекс в всех уральских, а также алтайских и индоевропейских языках. Это три консонантные: *to «тот» ~ *tä «этот», *ci ~ *ce или *sʃ «этот», «тот», *no «тот» ~ *nä ~ *na «этот» и две вокалические основы: *e «этот, тот» ~ *o ~ *u «тот». Предполагается также наличие указательной основы *mз, рефлекс которой не обнаруживаются так последовательно [Майтинская 1964: 95–96; 1989: 198; ОФУЯ 1974: 284; Rédei 1986–1988: 67, 281, 332, 453, 709 и др.].

Известно также, что в финно-угорском (уральском и доуральском) праязыке эти дейктические элементы составляли семантические оппозиции по семантике удаленности, выражавшейся корневой огласовкой: ближнеуказательные основы содержали неогубленный гласный переднего ряда (*e ~ *ä), дальнеуказательные, соответственно, – огубленный заднего ряда (*o ~ *u). Оппозиции консонантных основ хорошо сохранились в большинстве финно-угорских языков, напр.: саам. зап. *dāt* «этот» – *diet* «тот» – *duot* «тот более удаленный»; фин. *tämä* «этот» – *tuo* «тот», *se* «тот, этот»; морд. *t'e* «этот» – *tona* «тот», *s'e* «тот»; мар. *t'ide*, *s'ede* «этот» – *tudo* «тот», *sade* «тот»; коми *taje*, *taja* «этот» – *sije*, *sija* «тот»; удм. *ta* «этот» – *so* «тот»; хант. *tami* «этот» – *tumi* «тот»; *si sit* «этот, тот»; манс. *tj*, *tij* «этот» – *ta taj* «тот» и т.д. Они имеют надежную уральскую и даже доуральскую этимологию [Rédei 1986–1988: 281, 453, 709].

Этимология вокалических указательных основ, хотя также имеет давнюю традицию, не так однозначна, поскольку материал, используемый для реконструкции, в современных языках представлен крайне неравномерно. В качестве основных элементов дейктической системы вокалические основы выступают только в венгерском языке. Они образуют регулярные оппозиции по дальности указания, выступая на месте *t*-овых и

s-овых основ других финно-угорских языков, напр.: *e, ez, ezen* «это, этот» – *a, az, azon* «то, тот»; *itt* «здесь» – *ott* «там»; *ide* «сюда» – *oda* «туда»; *innen* «отсюда» – *onnan* «оттуда»; *ilyen* «такой, как этот» – *olyan* «такой, как тот»; *eddig* «досюда, пока» – *addig* «до того места, до тех пор»; *ezalatt* «тем временем» – *azalatt* «между тем»; *ezert* «поэтому» – *azert* «потому»; *így* «так, как этот» – *így* «такими, как тот». Т-овый корень сохранился лишь в немногих застывших формах, напр.: *tova* «туда дальше», *tovaly* «в прошлом году», *túl* «по ту сторону», *tegnap* «вчера», *té-tova* «нерешительный» <* «туда-сюда» (Mesz: 618, 622). Видимо, это абсолютное распространение вокалических основ в венгерском языке, а также реконструкция таковых в праиндоевропейском и праалтайском языках послужили основой для создания общеуральского этимологического архетипа **e* «это, этот» и **o* ~ **u* «то, тот» [Rédei 1986–1988: 67, 332].

В большинстве современных уральских языков отсутствуют надежные данные о наличии велярной (заднерядной) указательной основы. Палатальная (переднерядная) основа более последовательно прослеживается в финно-угорских языках, однако отсутствует в самодийских. Исследователи отмечают, что, в принципе, только в венгерском и удмуртском языках представлен комплекс, который может считаться семантической бинарной оппозицией указательных местоимений с начальным гласным [Zayzon 2005: 242].

Более обстоятельное изучение пермских демонстративов [Федюнева 2007] привело нас к заключению, что данные коми и удмуртского языков, приводимые в пользу реконструкции вокалических основ в финно-угорском (уральском) праязыке, также являются скорее укоренившейся традицией, нежели надежным свидетельством.

1. Пермский материал, используемый при реконструкции уральской в е л я р н о й о с н о в ы *o ~ u* «тот, та, то» [Rédei 1986–1988: 332], представлен, с одной стороны, многочисленными удмуртскими наречиями, вроде: *otjś'* «оттуда», *otčj* «туда», *otčjioz'* «дотуда», *oz'j* «так» и т.д., с другой, – удорской частицей *ata, atta, astaj* «вот, вот здесь», *atj, asi* «вот, вон», представленной только в одном коми-зырянском диалекте.

Прежде всего, сомнение вызывает обоснованность возведения к вокалическим корням удмуртских местоимений, которые абсолютно идентичны s-овым формам в коми языке, ср.: удм. *oti*, коми *seti* «там, по тому месту»; удм. *oti no tati*, коми *seti i tati* «там и тут»; удм. *otioz'*, коми *setčjež* «до того места»; удм. *otjś', otjś' en*, коми *setjś'* «оттуда»; удм. *otčj*, коми *setčj* «туда»; удм. *otčjioz'*, коми *setčjež* «до того места»; удм. *otčj-tatčj*, коми *setčje-tatčje* «туда-сюда»; удм. *otjñ*, коми *seten* «там»; удм. *otjñ no tatjñ*, коми *seten* и *taten* «там и здесь»; удм. *otjś' en*, коми *setjś' an'* «оттуда»; удм. *otjś' en no tatjś' en*, коми *setjś' an' i tatjś' an'* «оттуда и отсюда»; удм. *otjś'*, коми *setjś'* «оттуда»; удм. *otjś' no tatjś'*, коми *setjś' i tatjś'* «оттуда и отсюда»; удм. *oz'j*, коми *siž* «так, таким образом» и т.д. Кажется странным, что в близкородственных языках, имеющих идентичные основные местоимения: коми, удм. *ta-* «этот» – коми *se-, si-*, удм. *so* «тот», производные от них образованы по одной модели, но от разных корней: в коми – от ур. **se*, в удмуртском – от ур. **o ~ u*.

Если допустить это, то нужно признать, что в общепермском праязыковом континууме системы демонстративов, которые, как известно, относятся к наиболее ранним языковым системам и складываются в глубокой древности, существенно различались: в пракоми диалектах были представлены оппозиции t-овых и s-овых основ, в праудмуртских – t-овых и вокалических заднерядных; при этом в удмуртском практически не сохранилась вокалическая переднерядная основа, в коми – заднерядная. Столь существенное дивергентное развитие близкородственных языков на ранней стадии развития трудно объяснить, тем более что все отместоименные наречия и адъективы во всех пермских языках и диалектах образованы с участием общих падежных и деривационных суффиксов.

Более вероятным, по нашему мнению, является предположение, что удмуртские демонстративы восходят к общему с коми формами источнику – s-овому местоимению

дальнего указания: удм. (*s)oti, коми *seti* «там, по тому месту», удм. (*s)oti no tati коми *seti i tati* «там и тут», удм. (*s)otioz', коми *setčęž* «до того места», удм. (*s)otiis', (*s)otiis' en, коми *setis'* «оттуда» и т.д., тем более, что различия в огласовке: коми *se-* ~ удм. *so-* выступают как регулярное фонетическое соответствие, ср. коми *vež* ~ удм. *vož* «зеленый», коми *zer* ~ удм. *zor* «дождь», коми *lebnj* ~ удм. *lobinj* «лететь» и т.д. [Лыткин 1964: 232; Кельмаков 2004: 82].

В северных диалектах удмуртского языка местоимения с *s*-овым анлаутом часто выступают вместо вокалических, например: *sojın* вместо *otın* «там», *sojis'* вместо *otis'* «оттуда», *sotsj* вместо *otčj* «туда», *soj'oz'* вместо *otčioz'* «дотуда», *soz'* вместо *oz'j* «так» или употребляются наряду с ними [Тепляшина 1970: 183, 195]. *S*-овые местоимения имеются также в некоторых южных говорах, напр., круф. *шоччъ* «туда» [Насибуллин 1978: 148]. Слова, вроде *sotcj* «туда», *soj'* «там», *sojis'* «оттуда» обычно рассматривают как сочетания указательной частицы *so* и, соответственно, *otčj*, *ot'*, *otis'*, хотя приводятся и собственно составные образования, вроде *sootjis'* «вон оттуда» [Вахрушев 1959: 236]. Е.С. Гуляев также считает соответствие: удм. *sojın* | коми *seten* «там» этимологически возможным [Лыткин, Гуляев 1999: 272]. Все это скорее свидетельствует о закономерном выпадении анлаутного *s-* в удмуртском языке, нежели о регулярном образовании коми и удмуртских форм от разных основ.

Остается ответить на вопрос: каковы причины преобразования в удмуртском языке? В результате проведенных исследований мы пришли к выводу, что многие инновации в системе пермских указательных местоимений объясняются внутриязыковыми процессами, а именно: стремлением языка к обособлению указательных и личных местоимений 3-го лица, которые в пермских языках до сих пор не дифференцированы [Федюнева 2007: 75–95]. Эта мысль прослеживается также в ряде высказываний К.Е. Майтинской: «Указательным местоимениям, как правило, не свойственно специализироваться по указанию только на людей: приобретение такого свойства является одним из признаков перехода указательного местоимения в разряд личных. Так, в венгерском языке личное местоимение 3-го лица *ő*, восходящее к указательному местоимению с корнем *s-* + гласный (*s* в венгерском закономерно отпало), в отличие от своего предшественника, относится только к людям (удмуртское же местоимение *so*, этимологически связанное с *ö*, до сих пор совмещает функции как указательных, так и личных местоимений...)» [Майтинская 1969: 82–83]... «Примечательно, что в удмуртских парных словах (имеются в виду образования, вроде *otın-tatın* «там-сям». – Г.Ф.) более широко представлена местоименная основа дальнего указания *o-*, ныне сохранившаяся только в косвенных формах, чем живое современное *so* «тот»; это можно объяснить тем, что последнее используется и в качестве личного местоимения, ср. *so* «он» и «тот»» [Майтинская 1987: 148].

Вместе с тем, нельзя исключать и экстралингвистические факторы, поскольку аналогичные явления имеют место и в других языках, например, чув. *ăc*, тат. *сос* «черпать», чув. *ăca*, тат. *соса, суса* «челнок» [Егоров 1964: 43]. В южных коми-зырянских диалектах и в коми-пермяцком языке случаи утраты начального *s-* выступают как закономерность, напр.: кз. лл. *ečan'* – лит. *setčan'* «в том направлении», *es'en' – ses'an'* «отсюда», *ečan' ti – setčan' ti* «там», *ečan' is' – setčan' is'* «оттуда», *ežj – sižj* «так, таким образом», *ečem, eče – sečem* «вот такой, этакий»; кп. *ečin/setčin* «там, туда», *ečęž/setčęž* «до того места, до сих пор» и др.

Возможность выпадения анлаутного согласного можно предположить и в тех немногих марийских и мордовских примерах, которые приводятся в качестве рефлексов уральской заднерядной вокалической основы. Так, наряду с «вокалическими» указательными словами *umbalne* «там», *umbalan* «туда», *umbake* «туда», в марийских диалектах представлены формы с *t*-овым анлаутом: *tumbalne* «там, вдали», *tumbalan* «на ту сторону, туда», *tumbake* «туда, дальше», *tumbač* «оттуда, с той стороны» и др. Мордовские примеры ограничиваются словами Э. *ombo*, М. *omba, oma*, Э. *omboče*, М. *ombočá* «другой,

второй», которые тоже можно сопоставить с *t*-овыми указательными корнями, ср.: Э. *tombol'ev* «другой», М. *tombal'i*, *tombal'ej* «по той стороне», Э. *tombal'ks* «место по ту сторону», *tombal'd'e* «на ту сторону» и т.д.

Коми-зырянские частицы кз. уд. *ata*, *atta*, *astaj* «вот, вот здесь», *ati*, *asi* «вот, вон» не могут считаться надежным аргументом по причине ограниченности их употребления и изолированности от других дейктических слов. Им соответствуют частицы: кз. *to* «вот, вот здесь», *so* «вот, вон»; кп. *to*, *te* «вот, вон»; кя. *ta* «вот (здесь)», *to* «вот (там, недалеко)», *ti* «вот (там, подальше)» и их варианты с различными суффиксами, а также удм. *tan'i* «вот (здесь)» и *tin'i* «вон (там)». Нетрудно заметить, что удорские частицы также образованы от *t*-овых и *s*-овых основ, которые и несут основную дейктическую нагрузку и даже образуют оппозицию по дальности указания, ср. *ata* «вот (здесь)» – *ati* «вот (там)». Однако происхождение начального гласного неясно. Близких соответствий в других финно-угорских языках нам обнаружить не удалось, разве что саамские, ср. кз. уд. *atta* и саам. *atte* «вот этот», кз. уд. *astaj* «вот, вот здесь» – саам. *ašte* «вот, так» (примеры: [Серебренников 1963: 207; Керт 1971: 221]), которые считаются финскими заимствованиями: фин. *e-*: *että* «да» > лап. N. *ättē*, L. *ahte* и рассматриваются в группе рефлексов переднерядных основ на **e* «это, этот».

2. При реконструкции п а л а т а л ь н о й о с н о в ы *e* «diser,-e,-es» U [Rédei 1986–1988: 67] приводится большое количество примеров из современных языков, правда, как и в случае с велярной, в основном из венгерского и обско-угорских. Прибалтийско-финские соответствия являются союзами или вторичными местоименными словами, а не собственно указательными местоимениями. Из волжских языков приводится мордовская анлаутная частица *e-*: Э. *et'e* (pl. *enie*) «этот», *eše* (pl. *esnie*) «тот», М. *esa* «тут, там, здесь», *esta* «оттуда», имеющая очень ограниченное употребление¹. Пермский материал представлен также неравномерно. Из удмуртского языка приводятся варианты одного слова *ese*, *iše*, *äše* «такой» (со ссылкой на словари Ю. Вихмана и Ф. Видемана), которые соответствуют обычным местоимениям с консонантным анлаутом: *siše* «такой, подобный», *taše* «такой», *siše-taše* «такой-сякой»; круф. *ишъчэ* [Насибуллин 1978: 49]. По-видимому, они являются фонетическими вариантами, как и *otis'* ~ *sotis'* «оттуда», и представляют частное диалектное явление, недостаточное для исторических обобщений.

Коми язык представлен *e*-овой указательной частицей, которая, напротив, имеет тотальное распространение во всех коми диалектах. Основным указательным местоимением и производным демонстративам регулярно соответствуют *e*-овые формы, образующие как бы вторую систему, зеркально отражающую систему *s*-овых и *t*-овых форм, ср.: кз. *taje*, *tije*, *ta* ~ *e-taje*, *e-tije*, *e-ta* «этот, вот этот»; *sije*, *si* ~ *e-sije*, *e-sa* «тот, вот тот»; *taten(i)* ~ *e-taten(i)* «здесь, вот здесь»; *seten(i)* ~ *e-sten(i)* «там, вон там»; *tat(i)* ~ *e-tat(i)* «по этому месту»; *set(i)* ~ *e-st(i)* «по тому месту»; *tatis'an'* ~ *e-tatis'an'* «с этого места»; *setis'an'* ~ *e-stis'an'* «с того места»; *tatčegž* ~ *e-tatčegž* «досюда»; *setčegž* ~ *e-stčegž* «до того места»; *tatče* ~ *e-tatče* «сюда»; *setče* ~ *e-stče* «туда»; *tas'* ~ *tatis'* ~ *tatis'an'* ~ *e-tas'* ~ *e-tatis'* ~ *e-tatis'an'* «отсюда»; *ses'* ~ *setis'* ~ *setis'an'* ~ *e-stis'* ~ *e-stis'an'* «оттуда»; *tas'an'* ~ *e-tas'an'* «с этого места»; *ses'an'* ~ *e-stis'an'* «с того места»; *tati* ~ *e-tati* «по этому месту»; *seti* ~ *e-sti* «по тому месту»; *talan'in* ~ *e-talan'in* «здесь»; *silan'in* ~ *e-silan'in* «там»; *talan'e* ~ *e-talan'* «сюда, в этом направлении»; *silan'e* ~ *e-silan'e* «туда, в том направлении»; *taž* ~ *e-taž* «так, вот так»; *siž* ~ *e-siž* «этак, вот этак» и т.д. В диалектах *e*-овые соответствия имеют также

¹ Мордовские *e*-овые местоимения в основных формах «употребляются только в отдельных эрзянских диалектах» [Майтинская 1989: 179], в очень узком регионе и наряду с без-*e*-овыми: *эт'е кудос' / т'е кудос'* «этот дом»; *эс'е ломан'ес' / с'е ломан'ес'* «тот человек» и т.д. [Ермушкин 1984: 123].

n-овые местоимения множественного числа: кз. иж. *ni* «они, те» ~ *e-ni* «вот те», вым. иж. *naja*, *na* ~ *e-naja*, *e-na* «вот эти».

Префиксальная частица *e-* в этих образованиях индифферентна к значению удаленности: она одинаково присоединяется как к ближнеуказательным *t*-овым, так и дальнеуказательным *s*-овым основам, внося в них только экспрессивно-выделительные оттенки значения. Если допустить, что коми частица *e-* является рефлексом ур.**e* «это, этот», кажется странным, что она совершенно утратила значение пространственной ориентации. Поскольку аналогов этой частицы в удмуртском нет, можно предположить, что ее появление в коми языке является поздней инновацией, тем более что «финно-угорским (уральским) языкам вообще не было свойственно препозитивное присоединение усилительных частиц» [Майтинская 1969: 200].

По нашему мнению, усилительно-указательная частица *e-* коми языком была заимствована из русского. Последняя, наряду с велярной указательной основой *o-*, имеет праславянскую этимологию; соответствия обнаруживаются также в греческом, латинском, древнеиндийском и др. языках [Фасмер 1986–1987: 513]. Эта частица сыграла важную роль в становлении современной системы русских демонстративов.

Как известно, в индоевропейском праязыке имелось большое количество дейктических корней, которые также составляли системные оппозиции по степени удаленности. В ходе исторического развития в русском языке распространение получили *t*-овые и *s*-овые основы: *то, та, тот, такой, той, той* и др.; *си, сий, сей, сие, сию, сия* и т.д. «это, эта, этот». Вместе с тем, еще древнерусскому языку были известны местоимения *онъ, она, оно, оный, оная, оный*, использовавшиеся в значении «тот, та, то», ср.: сев. (о)намедни < ономъ дьне «в тот день», онупору «в ту пору», оногдысь «надысь» < оно гда/гды «тогда» [Черных 1952: 196]. Постепенно *o*-овая основа стала выступать в функции личного местоимения, а *э*-овая (*экий, экая, экое*) получила более широкое распространение. После того, как *s*-овые местоимения вышли из активного употребления, сохранившись лишь в отдельных формах: *сейчас, сей год, сию минуту, до сих пор, по сию пору, сего месяца, при сём, засим следует, на сей счет, то-сё, о том-о сём* и т.д., образовавшаяся лакуна ближнего указания была заполнена формой *этот, эта, это*, возникшей из сложения частицы *э* и местоимения *тот*. Как утверждают специалисты, в древнерусском языке этого местоимения не было: оно появилось довольно поздно – не ранее второй половины XVII в. [Черных 1952: 195; Борковский 1963: 223] или с XVI в. [Фасмер IV, 1986–1987: 523]. Несомненно, образование нового функционально значимого элемента дейктической системы русского языка свидетельствует о широком бытовании *э*-овой указательной основы в прошлом, в том числе, в северно-русских говорах, находившихся длительное время в самых тесных контактах с коми диалектами. Частица *э* и сегодня распространена в диалектной речи, где она может употребляться отдельно (напр.: *э с того, э к тому* и т. д.), выступать в составе других частиц (*эвот, эвон, экак* и т.д.) и наречий (*этуды* «вон туда», *эвде* «вон там»), а также вопросительных местоимений (*эсколь* «вон сколько»)²; ср. тж. сев.-рус. *эв* «вон», *эк* «так», *этта, этта-ка* «вот, вот как», *эстоь* «вот сколько», *эко* «вот какое» и т.д. [Беляева 1973: 702].

Проникновению и тотальному распространению частицы *e-* в коми языках, несомненно, способствовал тот факт, что она добавлялась в качестве усилительно-выделительной частицы к фонетически близким основам, была понятна коми билингвам и

² Интересно, что в удорском и ижемском диалектах коми-зырянского языка частица *e-* также регулярно выступает в сочетании с вопросительными местоимениями, например: *kodi* «кто»: уд. (Мез.) *e-kodi* – уд. (Ваш.) *e-kodi* «вот кто»; *kuž* «как»: уд. (Мез.) *e-kuž* – иж. уд. (Ваш.) *e-kuž* «вот как»; *kučem* «какой»: уд. (Мез.) *e-kučem* – уд. (Ваш.) *e-kučem* «вот какой»; уд. (Мез.) *e-kiten* – уд. (Ваш.) *e-kiten* «вот где»; *mij* «что»: уд. (Мез.) *e-mij* – уд. (Ваш.) *e-mij* «вот где» и др.; иж *e-kuž* «экак», *e-kučem* «экакой», *e-mij* «вот что», *e-kodi* «э вон кто», *e-kimjñ* «эскольско» [Жилина и др. 1961: 487; Сахарова, Сельков 1976: 104].

имела ярко выраженный эмоционально-разговорный характер³, ср. кз. *e-tačem* – рус. *э-такий*, *э-дакий*, кз. *e-taž* – рус. *э-так*, *э-дак*, кз. *e-simda* – рус. *э-столько* и т.д.

Усвоение иноязычной частицы привело к значительным фонетическим преобразованиям уже сложившихся форм и в конечном счете к формированию нового разряда демонстративов, появившихся на базе *s*-овых местоимений путем: 1) выпадения корневого гласного *-e-* типа: *seten* «там» = *esten* «там» < **e-seten*; *setče* «туда» = *estče* «туда» < **e-setče*; *setčež* «дотуда» = *estčež* «дотуда» < **e-setčež* и т.д. и 2) выпадение начального *s*- типа: *etče* «туда» < *setče*; *etčež* «дотуда» < *setčež*; *es'an'* «оттуда» < *ses'an'* и т.д.

Это привело к преобразованию самой системы оппозиций по дальности указания и стало причиной глубоких дивергентных процессов в системе указательных местоимений в коми-зырянском и коми-пермяцком языках. В коми языках частица *e-* имеет разные функции: в коми-зырянском образует экспрессивные формы, которые употребляются параллельно с основными (без *e*-овыми), преимущественно, в спонтанной речи: *(e)sije* «тот, вон тот», в коми-пермяцком – является маркером ближнего (или более определенного) указания, как в русском: кп. *sija* «тот» – *esija* «этот». Коми-пермяцкие *e*-овые местоимения практически вытеснили «чистые» *t*-овые и *s*-овые формы, в результате чего оппозиции по дальности указания оказались в значительной степени размыты, напр.: кз. *taten* «здесь» – *seten* «там»; кп. *esten* «здесь, там» – *setčin* «там» и т.д. (об этом [Федюнева 2007: 105–121]). Тот факт, что присоединение частицы *e-* привело к различным результатам, по нашему мнению, является дополнительным свидетельством позднего происхождения *e*-овых указательных местоимений в коми языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляева 1973 – О.П. Беляева. Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Отв. ред. Е.А. Глушкова. Пермь, 1973.
- Борковский, Кузнецов 1963 – В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Вахрушев 1959 – В.М. Вахрушев. Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки Удм. НИИ истории, экономики, литературы и языка. Вып. 19. Ижевск, 1959.
- Егоров 1964 – В.Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- Ермушкин 1984 – Г.И. Ермушкин. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). М., 1984.
- Жилина и др. 1961 – Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Отв. ред. В.А. Сорвачева. Сыктывкар, 1961.
- Кельмаков 2004 – В.К. Кельмаков. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ижевск, 2004. Ч. 2.
- Керт 1971 – Г.М. Керт. Саамский язык. Л., 1971.
- Лыткин 1964 – В.И. Лыткин. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.
- Лыткин, Гуляев 1999 – В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Майтинская 1964 – К.Е. Майтинская. Местоимения в мордовских и марийских языках. М., 1964.
- Майтинская 1969 – К.Е. Майтинская. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.
- Майтинская 1987 – К.Е. Майтинская. Об одной модели парных местоименных слов в финно-угорских языках // Сущность, развитие и функции языка. М., 1987.

³ Интересно, что Р. Бартенс, отмечая, что в обоих пермских языках имеются усилительно-индивидуализирующие формы указательных местоимений, в качестве функционально-семантического эквивалента коми формам с префиксом *e-* приводит удмуртские указательные местоимения с ЗРх.sg.: коми *etajō*, *esijō*, удм. *taiz*, *soiz* [Bartens 2000: 164].

- Майтинская 1989 – К.Е. Майтинская. Местоимения и служебные слова // Финно-волжская языковая общность. М., 1989.
- Насибуллин 1978 – Р.Ш. Насибуллин. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. науч. ст. Ижевск, 1978.
- ОФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
- Сахарова, Сельков 1976 – М.А. Сахарова, Н.Н. Сельков. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.
- Серебренников 1963 – Б.А. Серебренников. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
- Тепляшина 1970 – Т.И. Тепляшина. Нижне-чепецкие говоры северно-удмуртского наречия // Записки Удм. науч.-исслед. ин-та истории, экономики и языка. Вып. 21. Филология. Ижевск, 1970.
- Фасмер 1986–1987 – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986–1987.
- Федюнева 2007 – Г.В. Федюнева. Указательные местоимения и их производные в пермских языках. Сыктывкар, 2007.
- Черных 1952 – П.Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1952.
- Bartens 2000 – R. Bartens. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys // Memoires de la Société Finno-ougrienne. 238. Helsinki, 2000.
- Rédei 1986–1988 – K. Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Budapest, 1986–1988.
- Zayzon 2005 – R. Zayzon. Überlegungen zu den vokalischen Demonstrativstämmen in den uralischen Grundsprache // Congressus decimus internationalis fenno-ugristarum. Joshkar-Ola 15.08.–21.08. 2005. Pars II. Linguistica. Joshkar-Ola, 2005.

СОКРАЩЕНИЯ

кз. – коми-зырянский язык; **кп.** – коми-пермяцкий язык; **круф.** – красноуфимский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка; **кя.** – коми-язьвинское наречие; **лл.** – лузско-летский диалект коми-зырянского языка; **манс.** – мансийский язык; **мар.** – марийский язык; **морд.** – мордовский язык; **М.** – мокша; **нв.** – нижевычегодский диалект коми-зырянского языка; **печ.** – печорский диалект коми-зырянского языка; **рус.** – русский язык; **саам.** – саамский язык; **сев-рус.** – северно-русские диалекты; **сс.** – среднесольский диалект коми-зырянского языка; **уд.** – удорский диалект коми-зырянского языка; **удм.** – удмуртский язык; **фин.** – финский язык; **хант.** – хантыйский язык; **чув.** – чувашский язык; **Э.** – эрзя.